
Мона Мур
ЖЕНИХ
с доставкой

Мона Мур
Жених с доставкой

https://litres.ru/74800869

Аннотация

Что делать, если в субботу утром на пороге нарисовался мамин ухажер в велюровом костюме и потребовал разогреть ему холодец?

Правильно: повиснуть на шее у первого попавшегося доставщика пиццы с воплем: «Любимый, мы же помолвлены!»

Кто ж знал, что дерзкий красавчик с коробкой пепперони окажется сбежавшим с собственной свадьбы миллиардером-ресторатором, а в его кармане случайно найдется кольцо с бриллиантом размером с фундук?

Он предложил фиктивную сделку на две недели: спасти его от брака по расчету в обмен на миллион рублей.

План был надежен, как швейцарские часы, но что-то пошло не так:

- Сто одну розу от «жениха» пришлось ставить в 40-литровое ведро для засолки капусты;

- Защищая его честь, я раскидала банду гопников сосновой дубиной (и случайно отправила миллионера в нокаут);

- А романтический ужин закончился вызовом реанимации из-за горсти грецких орехов!

Держись, столичный бомонд: учительница музыки выходит на сцену на 12-сантиметровых шпильках, а сосновой дубиной она владеет ничуть не хуже, чем фортепиано!

В меню вас ждут:

- Опасный, насмешливый миллиардер, умеющий готовить круассаны и держать удар;
- Острая на язык героиня с поставленным голосом и сокрушительным хуком справа;
- Бабушка - звезда драмы, перепутавшая двери;
- Разрывание чеков на 50 миллионов и порка гопников на шпильках;
- Тонны искрометного юмора, бешеный драйв, страсть на грани фола и гарантированный ХЭ!

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 10
Глава 3 20
Глава 4 31
Глава 5 40
Конец ознакомительного фрагмента. 41

Глава 1

Субботнее утро началось не с кофе, а с удара ноги в мою входную дверь.

Я подскочила на диване, запутавшись в простыне, как мумия в бинтах, и со всего маха вписалась пальцем ноги в ножку стола.

- Святые сковородки! - взвыла я, прыгая на одной ноге и судорожно пытаясь натянуть поверх пижамных шорт безразмерный махровый халат.

Грохот повторился. Настойчивый, наглый, сопровождаемый противным трезвоном дверного звонка.

- Открывай, Алена! Я знаю, что ты там! Мама сказала, ты сова, но солнце уже высоко, пора отдавать долг семейным традициям! - пробасил из-за двери скрипучий мужской голос.

Мама. Ну конечно. Моя драгоценная матушка Жанна, которая три года назад упорхнула в Барселону с жгучим мачо-оператором, не забывала дистанционно устраивать мою личную жизнь. Судя по звукам за дверью, на этот раз она прислала не посылку с хамоном, а тяжелую артиллерию.

Я распахнула дверь, готовая испепелить гостя взглядом.

На пороге стояло нечто. Мужчина лет тридцати пяти, в обтягивающем велюровом спортивном костюме цвета «бешеная фуксия», с золотой цепью толщиной в палец и зали-

занными гелем волосами. В руках он держал помятую ветку хризантемы и пластиковый контейнер.

- Ну, здорово, невеста! - оглядев меня масляным взглядом с головы до голых щиколоток, выдал он и без приглашения протиснулся в мою крошечную прихожую, задев пузом вешалку.

- Я Игнатий. Твоя мать в Испании с моим троюродным дядей в теннис играет. Сказала, у нее дочка в девках засиделась, характер дурной, поет много, готовит мало. Решил глянуть.

Я застыла с открытым ртом, чувствуя, как внутри закипает вулкан.

- И как? Глянули? Дверь с той стороны закрывается легким движением руки. Всего доброго, Игнатий.

- Опа, с огоньком! - хохотнул этот эталон испанско-мытищинского мачизма, бесцеремонно проходя на мою кухню. - Люблю строптивых, их ломать интереснее. Значит так, Аленка: фигурка ничего, хотя грудь могла быть и попышнее, но для дома сойдет. Вот, держи, - он сунул мне в руки контейнер. - Тут холодец матушка передала. Разогрей.

- Холодец?.. Разогреть?! - мой голос сорвался на писк. - Ну да, чтоб жидкий был, как супчик. Я холодный не ем, у меня гланды. И чайку сообрази. Две ложки сахара, без горки. И давай пошурши, мне еще в автосервис надо.

Я медленно поставила контейнер на тумбочку, сжала кулаки и сделала глубокий вдох. Спокойно, Алена. Ты интел-

лигентный преподаватель музыки. Ты не должна бить человека сковородой по велюровому заду. Хотя очень хочется.

- Послушайте, жертва генетического эксперимента, - сладко улыбнулась я, подходя к нему вплотную. - Если вы сейчас же не заберете свой жидкий холодец и не испаритесь из моей квартиры со скоростью звука, я познакомлю вашу фуксию с тяжелой чугунной утятницей.

Игнатий снисходительно осклабился и сделал шаг ко мне, уперев руки в бока:

- А зубки-то мы быстро спилим, девочка. Ты на кого голос повышаешь? Твоя мать мне лично обещала покорную домашнюю кошечку, а тут…

Договорить он не успел. В прихожей раздалась бодрая трель звонка, и через секунду в незапертую дверь просунулась широкая мужская фигура. В нос ударил божественный, сводящий с ума аромат горячего теста, сыра и базилика.

- Доставка пиццы «Дон Пепперони»! Кто заказывал двойной сыр и четыре мяса? - прогрохотал низкий, бархатный баритон с хрипотцой.

Из коридора вышел парень. Высокий, широкоплечий, в черной футболке, обтягивающей стальные мышцы, и темных джинсах. Смуглая кожа, растрепанные темные волосы, волевой подбородок с легкой щетиной и насмешливые черные глаза. Он держал две большие коробки, словно они ничего не весили.

На секунду мы встретились взглядами. У меня перехва-

тило дыхание. Это был не просто парень - это была ожившая мечта с обложки журнала о мужском фитнесе и греческих богах.

И тут в моей голове, отравленной стрессом, щелкнул тумблер гениального безумия.

- Любимый! - взвизгнула я так, что курьер едва заметно дернул бровью.

В два прыжка я подлетела к парню, повисла у него на шее, чувствуя исходящий от него жар и умопомрачительный запах дорогого мужского парфюма с нотками табака и специй (странно для разносчика пиццы, но мне было не до аналитики).

- Ты наконец-то пришел! - затараторила я, вжимаясь в его каменную грудь и свирепо косясь на обалдевшего Игнатия. - А у нас гости! Представляешь, мамин знакомый пришел поздравить нас с помолвкой!

Курьер замер. На его красивых губах медленно расплылась ослепительная, дьявольски наглая белозубая улыбка. Он перехватил коробки с пиццей одной рукой, а второй - тяжелой, обжигающе горячей ладонью - по-хозяйски опустился мне на талию и притянул к себе вплотную.

- С помолвкой, значит? - пророкотал он мне прямо в ухо, обдав шею горячим дыханием, от которого по телу прокатилась волна мурашек. - Ну привет, невеста. А я как раз за кольцом заезжал.

И прежде чем я успела сообразить, что происходит, незна-

комец ловко опустил коробки на тумбочку, сунул руку в карман джинсов и опустился перед мной на одно колено.

Глава 2

Время в моей крошечной прихожей не просто остановилось - оно свернулось в плотный комок и упало мне в желудок свинцовой гирей.

Я смотрела сверху вниз на мужчину, стоящего передо мной на одном колене, и мой мозг судорожно пытался сопоставить нестыкуемые факты. Факт номер один: это был разносчик пиццы. Факт номер два: он был сложен так, будто сошел со страниц античных мифов прямиком в мою типовую хрущевку. Факт номер три: в его широкой, испещренной легкими мозолями ладони лежал темно-синий бархатный футляр. Не картонная коробочка из ларька, а тяжелый, явно брендовый футляр, внутри которого на подушечке переливался чистейшей воды бриллиант размером с приличный фундук.

«Он что, ограбил ювелирный на своем мопеде по пути ко мне?!» - пронеслась в голове паническая мысль.

- Дорогая, - проникновенный, бархатный голос курьера разнесся по коридору с такой акустической мощью, что задрожали склянки на трюмо. - Я знаю, ты просила подождать до отпуска в Ницце. Но когда я увидел, что в твой дом пытается проникнуться… вот это, - он даже не обернулся на застывшего в ступоре Игнатия, лишь небрежно махнул свободной рукой назад, - я понял: медлить нельзя. Ты выйдешь

за меня?

Я нервно икнула.

Сзади шумно, как перегретый радиатор, задышал велюровый жених от мамы.

- Слышь, ты… шкаф с пиццей! - взвизгнул Игнатий, наконец обретая дар речи. Его лицо цвета фуксии теперь идеально гармонировало со спортивным костюмом. - Ты кого «вот этим» назвал?! Ты вообще кто такой? Алена, это че за цирк? Твоя мать сказала, что ты одинокая учительница с копеечной зарплатой, которой срочно нужен мужик с положением!

Курьер медленно, с грацией сытого тигра поднялся с колена. Мамочки мои… Какой же он высокий! Ростом под метр девяносто, плечи перекрыли дверной проем, а в черных глазах плясали такие черти, что у меня по спине пробежал целый табун раскаленных мурашек.

- Мужик с положением? - парень насмешливо оглядел Игнатия. - И в каком же ты положении, дружище? Судя по цвету лица - на девятом месяце токсикоза.

- Да я… да у меня автосервис! - задохнулся от возмущения мамин протеже, угрожающе выпячивая золотую цепь. - Я в Мытищах человек уважаемый! А ты кто? Кусок курьера! Алена, сними эту дешевку с пальца, я тебе нормальное кольцо куплю, золотое, с фианитом!

- С фианитом? Щедро, - хмыкнул мой внезапный «спаситель». Он плавно шагнул вперед, оттесняя меня себе за спину. Одно его широкое плечо полностью закрыло меня от ве-

люровой угрозы. Пахло от него не кулинарным жиром, а потрясающим дорогим парфюмом - горьким цитрусом, кожей и дымом. - Но видишь ли, какое дело, Игнатий… или как там тебя по паспорту? Алена не любит фианиты. И дешевок не любит. Именно поэтому она выбрала меня.

С этими словами незнакомец внезапно поймал мою правую руку своей горячей ладонью. От этого прикосновения ток прошил меня от кончиков пальцев до макушки. Уверенным, почти гипнотическим движением он достал из коробочки кольцо и надел его на мой безымянный палец. Размер подошел идеально. Камень вспыхнул на солнце, ослепив даже Игнатия, который непроизвольно прищурился.

- А теперь, уважаемый человек из Мытищ, - голос парня моментально потерял всю насмешливость, став пугающе низким и жестким, - бери свой сопливый холодец и делай ноги. Моя невеста не любит, когда в ее доме воняет несвежими амбициями.

- Ты мне угрожаешь?! - взвился Игнатий, но, судя по тому, как он мелко задрожал и попятился к двери, храбрости в нем оставалось на донышке. - Алена, я твоей матери все расскажу! Она тебя из Испании проклянет! Ты останешься старой девой с этим нищебродом!

- Если ты прямо сейчас не исчезнешь из этого подъезда, - парень сделал еще один шаг, и Игнатий буквально впечатался спиной во входную дверь, - я заставлю тебя сожрать этот холодец прямо через упаковку. Вместе с пластмассой.

Без подогрева. Усек?

Взгляд черных глаз курьера в этот момент был настолько ледяным и тяжелым, что даже у меня внутри все сжалось. Игнатий сглотнул, судорожно нащупал за спиной дверную ручку, распахнул дверь и вылетел на лестничную клетку с прытью испуганного сайгака.

- Ненормальные! Психи! - донеслось с пролета, сопровождаемое грохотом быстро удаляющихся шагов. - Сектанты чертовы!

Парень спокойно шагнул на площадку, подобрал оставленный у порога контейнер с холодцом, размахнулся и метко запустил его в мусоропровод. Глухой металлический «бум» возвестил о торжестве справедливости.

Затем он вернулся, захлопнул дверь, повернул замок и медленно прислонился спиной к косяку, скрестив руки на мощной груди.

Напряжение в прихожей сменилось звенящей, густой тишиной. Мы остались вдвоем.

Я стояла в своем махровом халате, босая, растрепанная, с чудовищно дорогим кольцом на пальце и коробками горячей пиццы на тумбочке, и во все глаза пялилась на своего невольного сообщника.

- Фух… - шумно выдохнула я, пытаясь вернуть контроль над голосовыми связками. - Это было… эффектно. Спасибо, конечно. Вы меня реально спасли от велюрового апокалипсиса.

Парень не ответил. На его губах снова заиграла эта невыносимо самодовольная, сводящая с ума усмешка. Он медленно скользнул взглядом по моему халату, задержался на приоткрытой шее, поднялся к глазам.

- Всегда пожалуйста, красотка, - протянул он. - С тебя пятьсот рублей за доставку. И миллион за актерскую игру мирового уровня.

Я нервно хохотнула и принялась стягивать кольцо с пальца:

- Шутку оценила. Кольцо заберите, пока я не поседела от страха, - …и пока за нами не выехал наряд спецназа за кражу в особо крупных размерах!

Я дернула кольцо, но проклятый ободок словно прирос к коже. Он застрял на суставе и ни в какую не желал сползать обратно.

- Да чтоб тебя! - я зашипела от досады, натягивая кожу и чувствуя, как палец начинает предательски краснеть. - У вас мыло есть? В смысле, у меня есть мыло, сейчас намажу…

- Стой, психованная, палец оторвешь, - хмыкнул парень и в два широких шага сократил между нами дистанцию.

Прежде чем я успела отшатнуться, его большие, горячие пальцы обхватили мою кисть. Прикосновение обожгло, словно меня ударило статическим электричеством. Он аккуратно, на удивление бережно перехватил мой безымянный палец, придерживая его подушечками, и слегка повернул кольцо по часовой стрелке.

Я затаила дыхание. Он стоял так близко, что я чувствовала тепло, исходящее от его тела, видела тонкую полоску ключицы в вырезе черной футболки и крошечный темный шрамик на мужественном подбородке. От него пахло морозным ветром, горьким шоколадом и абсолютной, неприличной уверенностью в себе.

- Сидит идеально, - негромко произнес он, не спеша отпускать мою руку. Его черные глаза с густыми ресницами насмешливо заглянули прямо в мои. - Судьба, не иначе. Придется выходить замуж.

- Размечтался, спаситель на мопеде, - я попыталась выдернуть ладонь, но он держал крепко, хоть и безболезненно. - Откуда у обычного курьера из доставки кольцо стоимостью в крыло от «Боинга»? Ты ювелирный по дороге обчистил? Признавайся, мне уже сушить сухари за укрывательство краденого?

Парень не выдержал и тихо, бархатно рассмеялся. Этот смех завибрировал где-то у меня в груди.

- Во-первых, я не на мопеде, а на вполне приличном внедорожнике. Во-вторых, кольцо настоящее, чек имеется, криминала ноль. А в-третьих… мы так и будем стоять в прихожей? Пицца остывает, а у тебя халат распахивается с каждым твоим возмущенным вдохом.

Я судорожно глянула вниз, ойкнула и свободной рукой поплотнее запахнула полы махрового недоразумения на груди, чувствуя, как щеки заливает предательский румянец.

- На кухню, - буркнула я, высвобождая пальцы. - И только попробуй что-нибудь спереть, у меня там сковородка чугунная наготове.

- Страшная женщина, - с явным наслаждением протянул парень, подхватил коробки с пиццей и по-хозяйски прошагал по узкому коридору.

Моя кухня площадью шесть квадратных метров никогда не видела мужчин подобных габаритов. Когда он опустился на табуретку у окна, бедная деревянная мебель жалобно скрипнула под его весом. Он казался слишком большим, слишком ярким и слишком чужеродным для моих блеклых занавесок в цветочек и советского гарнитура.

Парень с щелчком открыл верхнюю коробку. По кухне поплыл дурманящий запах чеснока, тягучего сыра и копченостей. В моем пустом со вчерашнего вечера желудке раздалось столь громкое и требовательное урчание, что скрыть его было невозможно.

Курьер понимающе хмыкнул, отломил сочащийся сыром треугольник и протянул его мне: - Держи, невеста. Глюкоза восстанавливает нервные клетки после визитов мытищинских мачо. Как тебя зовут, кстати?

- Алена Фролова я.

Я посмотрела на пиццу и заколебалась ровно на одну секунду, после чего схватила кусок и с блаженным стоном впилась в него зубами. Хрустящее тесто, идеальный соус…

- Божественно, - пробормотала я с набитым ртом. - Ладно,

за пиццу прощаю тебе вторжение. Но разговор о кольце в силе. Ты кто вообще такой?

Парень откинулся на спинку скрипнувшего стула, скрестил длинные ноги в тяжелых ботинках и склонил голову к плечу:

- Кирилл.

- Очень информативно, Кирилл. А фамилия? Род деятельности? Статья уголовного кодекса, по которой ты проходишь?

- Бекарев, - спокойно ответил он.

Я замерла с куском пиццы у самого рта. В голове щелкнула какая-то деталь. Бекарев… Где-то я слышала эту фамилию. В новостях? В Светкиных восторженных сплетнях о золотой молодежи столицы? В ресторанных пабликах?

- Тот самый Бекарев? - прищурилась я. - Сын ресторанного магната, который держит половину люксового общепита в стране?

- Бинго, - лениво усмехнулся Кирилл, сверкнув идеальными зубами. - Видишь, а ты боялась, что кольцо ворованное.

- Так… стоп. - Я опустила недоеденную пиццу на салфетку и уставилась на него, сложив руки на груди. - Если ты мажор из списка «Форбс», какого лешего ты развозишь пиццу по спальным районам в субботу утром? У богатых свои причуды? Ролевые игры? Тайный миллионер под прикрытием?

- Скажем так, - взгляд Кирилла на мгновение стал жестким и холодным, но он тут же вернул на лицо привычную

наглую маску, - я бежал с собственной помолвки.

- С чего?! - я аж подпрыгнула на стуле.

- Мой драгоценный батюшка решил устроить мне сюрприз. Собрал сегодня утром в нашем загородном клубе всю бизнес-элиту, включая семейство Павленко с их драгоценной дочуркой Софьей. И поставил меня перед фактом: либо я сегодня при всех надеваю кольцо ей на палец, скрепляя слияние двух ресторанных сетей, либо он перекрывает мне финансирование моего личного проекта.

- И ты… сбежал на машине доставки? - я не сдержала нервного смешка.

- Перехватил у нашего ресторана первого попавшегося парня из доставки, сунул ему сотку баксов, забрал заказ и ключи от машины. Мне нужно было выиграть пару часов и придумать, как сорвать этот фарс. А потом я постучал в твою дверь.

Кирилл подался вперед, уперев локти в клеенку стола. Его лицо оказалось в полуметре от моего. В воздухе между нами заискрило так, что воздух стал густым и тягучим.

- А потом, - тихо, с мурлыкающими нотками в голосе продолжил он, - ты распахиваешь дверь в этом безумном халате, вешаешься мне на шею и объявляешь меня своим женихом назло какому-то клоуну в фуксии.

- Я импровизировала! - вспыхнула я, отчаянно пытаясь не смотреть на его губы. - Это был жест отчаяния!

- Это был идеальный пас, красотка, - прошептал Кирилл

и в его черных глазах вспыхнул опасный, азартный огонь. - Ты спасла меня от Софьи и диктатуры отца. А я спас тебя от твоего жениха. По-моему, мы сработались.

- Сработались и разошлись, - отрезала я, чувствуя, как сердце колотится где-то в горле. - Ты помог мне, я помогла тебе. Забирай свое кольцо, доедай пиццу и езжай разбираться со своим папашей сам.

Кирилл медленно покачал головой, не сводя с меня гипнотического взгляда.

- Нет, милая. Так просто ты от меня не отделаешься. Мой отец не поверит, что я просто передумал. Но он поверит, если у меня уже есть невеста, которую я выбрал сам. И раз уж ты надела это кольцо… - он многозначительно кивнул на мою руку, - у меня к тебе деловое предложение. На миллион.

Глава 3

- Предложение на миллион? - я снова положила недоеденный кусок пиццы на салфетку, скрестила руки на груди и окинула Кирилла максимально подозрительным взглядом. - Надеюсь, ты имеешь в виду миллион поводов выметаться из моей квартиры, пока я не вызвала полицию?

- Какая ты недоверчивая, красотка, - Кирилл даже бровью не повел.

Он вальяжно откинулся на спинку скрипнувшей табуретки, закинул ногу на ногу и сцепил пальцы в замок на колене. В моей крошечной шестиметровой кухне он выглядел как породистый леопард, которого по недоразумению заперли в кладовке для швабр.

- Я предлагаю абсолютно прозрачную, взаимовыгодную сделку. Ты играешь роль моей невесты ровно две недели. До благотворительного вечера, на котором соберется весь свет города и где мой драгоценный батюшка планировал торжественно объявить о моей помолвке с Софьей Павленко.

- А после бала ты превратишься в тыкву, а я - в счастливую обладательницу нервного тика? - съязвила я. - Слушай сюда, мажор на доставке. Я простая учительница музыки. Мой максимум драмы - это когда семиклассник Сидоров пытается спеть партию баса, пуская петуха на слове «Родина». В светские интриги я не играю. И уж тем более не нанимаюсь

в эскорт-актрисы для избалованных мальчиков с папиными миллиардами.

Кирилл усмехнулся. В его черных глазах вспыхнул такой откровенный, раззадоренный азарт, что у меня по спине пробежал предательский холодок.

- Во-первых, если бы мне нужен был эскорт, я бы набрал модельное агентство и через двадцать минут у меня на пороге стояло бы тридцать длинноногих кукол с дипломами о прохождении курсов этикета. Но у них есть один фатальный недостаток.

- Какой? Они не умеют угрожать чугунной утятницей?

- Они продаются, - в голосе Кирилла на долю секунды проскользнула жесткая, холодная сталь. - Мой отец перекупит любую модель за пять минут. Сунет ей чек с пятью нулями, и она на том же вечере заявит в микрофон, что я сумасшедший, а она меня впервые видит. А ты… - он подался вперед, сокращая расстояние между нами так стремительно, что я невольно вжалась лопатками в стену. - Ты ненавидишь таких, как я. У тебя на лице написано, что богатые наглецы для тебя - низшая ступень эволюции. Ты не продашься моему отцу, потому что скорее спустишь его с лестницы, чем возьмешь у него хоть копейку.

Я сглотнула, чувствуя, как его горячее дыхание касается моих губ. От него пахло опасностью.

- Это комплимент или оскорбление? - хрипловато уточнила я.

- Это факт, - прошептал Кирилл, скользя насмешливым взглядом по моим губам. - К тому же, ты уже надела кольцо. Ты выдала меня за своего жениха перед тем типом в фуксии. Ты первая сделала этот ход, Алена. Я просто повышаю ставки.

- Я сделала это от безысходности! Ты не знаешь мою маму! Если бы я не выставила Игнатия, она бы продала меня ему за коробку испанских апельсинов! Она уверена, что в девятнадцать жизнь закончена, если ты не пристроена к «надежному мужику с положением»!

- Ну вот, видишь? - Кирилл ослепительно улыбнулся и щелкнул пальцами. - Мы квиты. У тебя мама-сводница, у меня отец-тиран. Твоей маме нужен зять? Пожалуйста, перед тобой лучший вариант в радиусе тысячи километров: молод, чертовски хорош собой, при деньгах и с безупречным чувством юмора. Кто еще из твоих родных мечтает выдать тебя замуж?

- Что, это так заметно, что у нас все повернутые на браке?

- Просто я сметливый, - хмыкнул он. - Итак, подводим дебет с кредитом. Ты спасаешь меня от брака по расчету и потери собственного ресторанного проекта, который отец грозится отобрать, если я не женюсь на Софье. Я спасаю тебя от набегов мытищинских женихов и закрываю все вопросы твоей родни. А в качестве бонуса…

Он сунул руку в задний карман джинсов, достал плотный кожаный портмоне, небрежно вытащил из него пухлую пач-

ку хрустящих пятитысячных купюр, перетянутых банковской резинкой, и со стуком положил ее на клеенчатый стол прямо между солонкой и коробкой из-под пиццы.

Я опустила взгляд на красные бумажки. В горле мгновенно пересохло.

- Здесь триста тысяч, - спокойно произнес Кирилл. - Аванс. Еще семьсот получишь в день, когда мы официально «расстанемся» после благотворительного бала. Без расписок, без налогов, чистый кэш.

Мой внутренний калькулятор сошел с ума и жалобно запищал. Триста тысяч. Это же… это же моя зарплата в школе почти за два года. Это возможность закрыть долги за коммуналку, купить нормальные концертные туфли, отправить бабушку в приличный санаторий подлечить суставы и перестать вздрагивать от каждого телефонного звонка с напоминанием о платежах.

Но гордость, жившая во мне на правах полноправной хозяйки, возмущенно вздыбилась.

- Я не беру подачек, Бекарев, - отчеканила я, заставляя себя поднять глаза от манящих денег. - И я не продаюсь. Ни за триста тысяч, ни за миллион.

- Это не подачка, глупая, - мягко, почти ласково сказал Кирилл, и его рука неожиданно накрыла мою ладонь, лежащую на столе. Пальцы у него были сильные, горячие и от этого простого прикосновения внутри меня словно натянулась и зазвенела тонкая струна. - Это оплата сложной, высо-

корискованной работы. Ты будешь терпеть мое общество две недели. Поверь, для многих это непосильный труд.

- Тут не поспоришь, - не удержалась я от шпильки, пытаясь скрыть, как сильно меня будоражит тепло его кожи. - Характер у тебя отвратительный.

- Зато внешность компенсирует, - парировал он с невыносимым самодовольством. - Ну так что, партнер? По рукам?

Я посмотрела на пачку денег, затем на кольцо с бриллиантом, мерцающее на моем пальце, и, наконец, в эти наглые, манящие черные глаза. В голове созрел дерзкий, хулиганский план. Если уж нырять в этот омут, то по моим правилам.

- У меня три условия, - заявила я, решительно выпрямляя спину.

Кирилл приподнял бровь:

- Слушаю.

- Условие первое: никаких поцелуев, объятий и прочих нежностей вне публичных мероприятий. Никакого распускания рук наедине. Руки держишь при себе, Бекарев, иначе моя чугунная утятница переквалифицируется в орудие возмездия.

- Жестоко, - сокрушенно вздохнул он, но в глазах заплясали бесенята. - Но для начала принимается. Дальше?

- Условие второе: ты не лезешь в мою личную жизнь и не комментируешь мою работу. Если мне нужно будет вести уроки у первоклашек - ты ждешь в машине и не отсвечива-

ешь своим пафосным видом.

- Договорились. Буду сидеть тихо, как мышь под веником. Третье?

- Условие третье, - я сделала паузу, наслаждаясь моментом. - Сегодня вечером ты идешь со мной на ужин к моей бабушке, Александре Карловне. И ведешь себя как идеальный, безумно влюбленный жених. Если ты выдержишь допрос бывшей примы драматического театра и не расколешься - считай, контракт подписан.

Кирилл пару секунд молча смотрел на меня, а затем запрокинул голову и расхохотался - громко, искренне, заразительно.

- Бабушка-театралка? Серьезно? Детка, да я в детстве выдержал три сезона в закрытом швейцарском пансионе под надзором престарелых монахинь. Твоя бабушка покажется мне ангелом во плоти.

- Ты ее еще не видел, - мрачно предупредила я. - Она Станиславского лично знала. Ну, по крайней мере, утверждает, что знала. Фальшь чует за версту.

- Вызов принят, - Кирилл сжал мою ладонь в крепком, обжигающем рукопожатии. - Забирай аванс, прячь в надежное место и иди приводи себя в порядок.

- В смысле? - я нахмурилась. - Чем тебе не нравится мой образ?

- Халат цвета увядающей сирени великолепен, спору нет, - хмыкнул он, поднимаясь со стула и мгновенно заполнив

собой все пространство кухни. - Но если мы едем покорять приму театра, тебе понадобится что-то более… презентабельное. Я заеду за тобой в шесть. Ровно. И будь готова, красотка, мы начнем наше представление прямо с порога.

Он развернулся и направился к выходу. Я машинально поплелась за ним следом, наблюдая за тем, как плавно и уверенно перекатываются мышцы под тонкой тканью его черной футболки. Кажется, этот парень вообще не знал, что такое сутулость или неуверенность в себе. В нем сквозила та самая вальяжная, хищная грация хищника, который точно знает, что в этих джунглях он на вершине пищевой цепочки.

У входной двери Кирилл остановился, взялся за ручку и обернулся. Его взгляд снова скользнул по моему лицу, задержавшись на губах чуть дольше, чем позволяли приличия и наш только что заключенный договор.

- И спрячь деньги, Алена. Не оставляй на виду, - негромко бросил он. - В твоем подъезде даже домофон выглядит так, будто готов продать душу за банку пива.

- Мой домофон - честный труженик, в отличие от некоторых миллионеров на чужих мопедах, - огрызнулась я по инерции.

Кирилл усмехнулся, подмигнул мне и толкнул дверь:

- До шести, невеста. Не скучай без своего идеального жениха.

Дверь с глухим щелчком захлопнулась. Я провернула замок на два оборота, прижалась спиной к дерматиновой обив-

ке и медленно сползла вниз, пока не плюхнулась на коврик прямо в своем сиреневом махровом великолепии.

В прихожей повисла тишина. Но эта тишина была обманчивой - воздух буквально звенел от оставшегося после него шлейфа парфюма: терпкого, пряного, чертовски дорогого.

- Так, Фролова, дыши, - скомандовала я сама себе, прижимая ладони к пылающим щекам. - Вдох. Выдох. Ты только что сдала себя в аренду золотому мальчику. На две недели. За миллион рублей. Ты либо гений стратегического менеджмента, либо круглая, феерическая идиотка.

Я перевела взгляд на правую руку. Бриллиант на пальце вспыхнул в полумраке коридора наглым, вызывающим блеском. Снять его я даже не пыталась - сустав все еще ныл после первой попытки. Кольцо сидело как влитое, словно ювелир отливал его по меркам моих пальцев.

«Совпадение, - упрямо твердил здравый смысл. - Просто стандартный размер». «Судьба», - ехидно шептал внутренний голос с насмешливыми интонациями Бекарева.

Я поднялась с пола, вернулась на кухню и уставилась на пачку денег. Пятьдесят новеньких, хрустящих купюр с видами Хабаровска. Они лежали на клеенке с нарисованными подсолнухами, совершенно чужие, неестественно яркие. Мне вдруг стало страшно к ним прикасаться. В детстве мама всегда повторяла: «Бесплатный сыр бывает только в мышеловке, Аленка. А если сыр с плесенью и из Парижа - мышеловка захлопнется так, что костей не соберешь».

Но это был не бесплатный сыр. Это был контракт. И я собиралась отработать каждый рубль, чтобы доказать этому самодовольному мажору: простые учительницы музыки не ломаются под напором папиных миллиардов.

Я схватила пачку, сунула ее в старую жестяную банку из-под чая «Эрл Грей», где обычно хранила лавровый лист и запасные ключи от бабушкиной дачи, и засунула банку в самый дальний угол кухонного шкафа, за батарею банок с солеными огурцами. Если ко мне нагрянут грабители, они скорее задохнутся от чесночного духа бабушкиной консервации, чем найдут эти триста тысяч.

Часы на стене показывали половину первого. До шести оставалось пять с половиной часов.

- Так, ладно, - пробормотала я, решительно направляясь к гардеробу. - Посмотрим, чем богата казна несостоявшейся оперной дивы.

Мой гардероб представлял собой печальное зрелище, состоящее из двух крайностей: строгой униформы «педагог на полставки» (черные юбки-карандаши, глухие блузки под горло и кардиганы крупной вязки) и остатков былой роскоши времен кастингов и репетиций в студии.

Я распахнула дверцы платяного шкафа, взметнув легкое облачко пыли. На вешалках сиротливо покачивались два концертных платья. Одно - алое в пол, чересчур театральное, в котором я год назад пела драматические арии на отборе в проект (и в котором сбежала со сцены в слезах, позорно

провалив финал). К нему я даже прикасаться не хотела - от воспоминаний о том вечере и о самодовольной ухмылке моего бывшего продюсера Олега до сих пор сводило челюсти от ярости.

Второе - темно-изумрудное, из плотного бархата, с запахом на груди и умеренным разрезом по ноге. Не слишком вульгарное, но и далеко не монашеское. Идеальный баланс между «приличная девушка из интеллигентной семьи» и «женщина, на которую оборачиваются на улице».

- Сойдет, - решила я, снимая платье с плечиков. - Александра Карловна одобрит. Она всегда говорила, что изумрудный цвет подчеркивает мои зеленые глаза и придает лицу аристократическую бледность, а не вид голодной студентки.

Следующие три часа пролетели в вихре наведения марафета. Я отмокала в ванне, скрабировала все доступные участки тела, сушила волосы феном, пытаясь уложить непокорные темные локоны в небрежные крупные волны, и колдовала над макияжем. Никакого боевого раскраса - идеальный тон, легкие стрелки, капля хайлайтера на скулы и ягодный тинт на губы.

Когда в половине шестого я застегнула молнию на платье и обула классические черные лодочки на устойчивом каблуке, отражение в зеркале заставило меня довольно прищуриться.

Из зеркала на меня смотрела не замученная проверкой тетрадей училка, а высокая, стройная девушка с осиной та-

лией, сияющими глазами и дерзким изгибом губ. Кольцо с бриллиантом на правой руке теперь не казалось инородным телом - оно чертовски шло к изумрудному бархату.

Ровно в 17:58 снизу, со стороны двора, раздался настойчивый и мелодичный автомобильный гудок.

Я подошла к окну, отодвинула тюль и едва не присвистнула. У моего облупленного подъезда, распугав местных голубей и припарковавшись аккурат между ржавой «девяткой» соседа дяди Миши и мусорными баками, стоял новенький матовый внедорожник размером с небольшой танк. Стекла были наглухо тонированы, а из приоткрытого водительского окна лениво тянулся тонкий сизый дымок.

Сердце пропустило предательский удар. Игра начиналась по-настоящему.

Я схватила маленькую сумочку, накинула на плечи бежевое пальто, еще раз бросила контрольный взгляд в зеркало и щелкнула замком.

- Держись, Бекарев, - прошептала я, спускаясь по лестнице и цокая каблуками по бетонным ступеням. - Сейчас мы проверим, насколько твоя швейцарская выдержка готова к знакомству с народной артисткой драмы и сарказма.

Глава 4

Осенний воздух ударил в лицо бодрящей прохладой, пахнущей прелой листвой и бензином. Я расправила плечи, стараясь шагать по разбитому асфальту двора с грацией топ-модели, а не человека, который в любую секунду рискует сломать каблук в трещине между плитами.

У подъезда на лавочке уже собрался традиционный совет старейшин: баба Клава и тетя Люба из третьего подъезда синхронно перестали лузгать семечки и замерли с открытыми ртами, переводя взгляд с моего изумрудного бархата на матовый черный внедорожник.

Дверь машины распахнулась. Из салона выбрался Кирилл и дворовая идиллия окончательно дала трещину.

Он сменил растянутую футболку доставщика на темно-серый фактурный пиджак поверх тонкого черного джемпера и темные идеальные джинсы. Широкие плечи, хищный разворот торса, начищенные до зеркального блеска кожаные ботинки. Он выглядел как ожившая реклама безумно дорогого парфюма или герой криминальной драмы, приехавший решать вопросы на высшем уровне.

Кирилл затушил сигарету об урну, небрежно сунул руки в карманы и замер, окинув меня медленным, тяжелым взглядом снизу вверх. На его лице не осталось и следа привычной насмешливости - зрачки в черных глазах расширились, а гу-

бы слегка приоткрылись.

- Ого, - негромко произнес он, когда я подошла ближе. - А ты умеешь производить впечатление.

- Старалась, - я задрала подбородок, чувствуя, как под этим обжигающим взглядом по коже бегут мурашки. - Надо же соответствовать статусу «жениха-миллионера». Не хотелось, чтобы твоя машина выглядела дороже меня.

- Она и не выглядит, - хрипловато отозвался он, и в его голосе прозвучало нечто такое, от чего у меня внизу живота сладко екнуло. - Ты сейчас затмила весь этот двор вместе с моим автопромом. Изумрудный - определенно твой цвет.

- Ладно, мажор, придержи комплименты для бабушки, - попыталась я отшутиться, отчаянно пряча вспыхнувший румянец за воротником пальто. - Мы опаздываем.

- Подожди. Главный козырь еще в багажнике.

Кирилл обошел машину, щелкнул кнопкой на брелоке, и багажник с тихим электрическим жужжанием плавно поднялся.

Я заглянула внутрь и потеряла дар речи.

Там лежала клумба. Настоящая, мать ее, оранжерея. Огромная, необъятная охапка бордовых роз на длиннющих стеблях, перевязанная широкой атласной лентой. Цветы были настолько свежими, что на лепестках блестели капли воды, а их сладкий, густой аромат моментально перебил все окрестные запахи выхлопных газов.

- Это… что? - выдавила я.

- Это взятка для твоей бабушки, - невозмутимо сообщил Кирилл, с легкостью подхватывая тяжеленный цветочный монолит на руки. - Ровно сто одна штука. Эквадорские, сорт «Черная магия». Бабушка же актриса? Актрисы любят драму и размах.

- Бекарев, ты с ума сошел! - я нервно хихикнула, представляя, как мы затаскиваем этот веник в бабушкину избушку. - У нее вазы такого размера нет! Придется ставить в ванну или в сорокалитровое ведро для засолки капусты!

- Значит, поставим в ведро, - усмехнулся он. - Зато эффектно. А это - тебе.

Он свободной рукой ловко извлек из бокового кармана багажника одну-единственную розу необычного, почти черного винного оттенка с нераскрывшимся тугим бутоном и протянул мне.

- Без повода. Просто за то, что ты согласилась на эту авантюру.

Я машинально взяла цветок. Стебель был аккуратно очищен от шипов, лепестки на ощупь напоминали прохладный бархат.

- Спасибо, - тихо сказала я, впервые за день забыв съязвить в ответ.

- По коням, красотка, - Кирилл аккуратно уложил бабушкин букет на заднее сиденье, обошел машину и распахнул передо мной тяжелую пассажирскую дверь, галантно подав руку.

Когда я оперлась о его ладонь, чтобы забраться на высокое кожаное сиденье, его пальцы снова слегка сжали мои - ровно на секунду дольше положенного. Электрический разряд прошил тело, заставив сердце пуститься вскачь.

Внутри салона пахло новой кожей, полированным деревом и его одеколоном. Мягкая подсветка приборной панели, тихий рокот мощного двигателя под капотом - контраст с моей привычной маршруткой номер 47 был ошеломляющим.

Кирилл устроился за рулем, нажал кнопку «старт», и тяжелая машина плавно, словно яхта, выплыла из ям нашего двора на проспект.

- Куда рулить? - спросил он, бросив быстрый взгляд в зеркало заднего вида.

- В Марата. Это за городом, старый дачный поселок художников и театралов. Бабушка там живет круглый год в деревянном доме с мезонином.

- Понял. Минут сорок по трассе, если без пробок.

Какое-то время мы ехали в молчании. За окном мелькали огни вечернего города, в динамиках аудиосистемы тихо играл ненавязчивый, глубокий лаунж. Кирилл вел машину уверенно и расслабленно, придерживая руль одной рукой, а вторая небрежно покоилась на рычаге коробки передач - в опасной близости от моего бедра.

Я искоса разглядывала его четкий, волевой профиль, прямой нос и упрямую линию подбородка. В полумраке салона он казался еще привлекательнее. И это меня жутко нервиро-

вало.

- Ну и чего ты пялишься? - не поворачивая головы, с усмешкой спросил он.

- Проверяю, не проступили ли у тебя рога и копыта, - парировала я, поудобнее устраиваясь в кресле. - А то вдруг я продала душу дьяволу, а он окажется банальным бабником с кризисом самоидентификации.

Кирилл тихо рассмеялся - тем самым грудным, низким смехом, от которого у меня внутри все переворачивалось.

- Предлагаю сыграть в пинг-понг, невеста.

- В смысле?

- Мы едем на допрос к твоей бабушке. Нам нужно знать друг о друге хотя бы базовые вещи, чтобы не провалиться на первом же вопросе про любимый цвет или дату рождения. Правила простые: факт о себе - вопрос партнеру. Чур, отвечать честно.

- Ладно, - согласилась я, принимая правила игры. - Начинай.

- Мне двадцать пять лет. Я окончил Высшую школу гостиничного и ресторанного бизнеса в Лозанне, но терпеть не могу швейцарский шоколад - он для меня слишком приторный. Вопрос: сколько тебе лет на самом деле? Как я понял, девятнадцать, но дерзишь ты на все сорок пять с тремя разводами за плечами.

- Ха-ха, очень смешно, - я фыркнула. - Мне девятнадцать, через пять дней стукнет двадцать. Теперь моя очередь. Я

учусь на третьем курсе пединститута, играю на фортепиано и терпеть не могу шансон. Вопрос: почему парень с дипломом из Лозанны развозит пиццу и прячется от отца, вместо того чтобы открыть свой мишленовский ресторан?

Кирилл на секунду посерьезнел. Его пальцы крепче сжали руль, а взгляд устремился на ленту шоссе.

- Потому что мой отец не признает ничего, кроме масштаба и цифр, - медленно произнес он. - Для него ресторан - это сетевая доильня для денег. Конвейер. А я… я люблю готовить сам. Моя мечта - маленькое, камерное заведение на берегу реки, мест на двадцать-тридцать. С открытой кухней, сезонным меню и живой музыкой. Отец считает это сопливой блажью и обещал заблокировать все мои счета, если я не пойду по его стопам и не объединю наш бизнес с сетью Павленко через брак с Софьей.

Я замолчала, пораженная его искренностью. В его голосе не было капризного мажорного нытья - только настоящая, выстраданная глухая боль человека, чью мечту пытаются растоптать катком чужих амбиций.

- Мой ход, - Кирилл тряхнул головой, сбрасывая наваждение, и снова лукаво покосился на меня. - Я обожаю мясо слабой прожарки и сам пеку потрясающие десерты. Да-да, не смотри так, Терминатор умеет делать круассаны. Вопрос: почему девушка с голосом, от которого дрожат стекла, работает за копейки в районной школе и боится даже заикнуться о сцене?

Воздух в салоне мгновенно стал разреженным. Удар пришелся точно в цель, прямо под дых.

- Откуда ты… - мой голос предательски дрогнул.

- Я навел справки, пока ждал тебя во дворе, - просто ответил Кирилл. - Загуглил «Алена Фролова вокал». Посмотрел запись прошлогоднего полуфинала шоу «Голос страны». Ты была невероятна, Алена. Твое исполнение арии сорвало зал. А потом, в финале, ты просто не вышла на сцену и исчезла со всех радаров. Что случилось?

Я отвернулась к окну, глядя на мелькающие во тьме огни подмосковных поселков. Пальцы сжались на бархатной ткани платья так, что побелели костяшки. Горло сдавило знакомым, жгучим спазмом унижения и боли.

- Меня предали, - тихо, глядя в отражение стекла, сказала я. - Мой продюсер. И по совместительству парень, которому я верила больше, чем себе. За десять минут до прямого эфира я зашла в гримерку и застала его со своей главной конкуренткой. Они… они смеялись. Он сказал, что я просто удобная дурочка с хорошим диапазоном, а контракт уже подписан с ней. Я поняла, что сцена - это грязь. И я не хочу в этом участвовать.

В машине повисла тяжелая, густая тишина. Музыка затихла, сменившись мягким блюзовым перебором гитары.

Внезапно я почувствовала, как тяжелая, теплая ладонь Кирилла легла поверх моих сцепленных пальцев. Он не сжимал их сильно - просто накрыл своей рукой, передавая спо-

койную, несокрушимую уверенность.

- Он был слепым идиотом, - негромко, но с такой яростной убежденностью произнес Кирилл, что у меня перехватило дыхание. - Твой голос - это магия. И если кто-то не сумел этого оценить, значит, он заслуживает петь под фанеру в придорожном караоке до конца своих дней.

Я повернула голову. Кирилл смотрел на дорогу, но его профиль был напряжен, а желваки на скулах ходили ходуном.

- Спасибо, - прошептала я, чувствуя, как лед, сковывавший мое сердце последний год, дает первую крошечную трещину.

- Не за что, - он плавно притормозил у высокого кованого забора с резной калиткой и повернулся ко мне всем корпусом. Его глаза горели опасным, пьянящим пламенем. - А теперь, невеста, соберись. Мы на месте.

Он протянул руку, коснулся пальцами моего подбородка и слегка приподнял мое лицо. Мы замерли в сантиметре друг от друга. Его дыхание обжигало мои губы, сердце колотилось с такой силой, что, казалось, било по ребрам изнутри.

- Запомни легенду, - прошептал Кирилл, скользя взглядом по моим ресницам. - Мы безумно, до потери пульса влюблены друг в друга. Я готов бросить к твоим ногам весь мир. А ты… ты без ума от моего чувства юмора и накачанных плеч. Справишься?

- С плечами будет проще всего, - нервно выдохнула я, чув-

ствуя, как кружится голова.

Кирилл довольно усмехнулся, убрал руку и заглушил мотор:

- Ну тогда пошли. Пора брать штурмом бастион русского драматического театра.

Глава 5

Двухэтажный деревянный дом Александры Карловны с резными наличниками и уютно светящимся мезонином стоял в глубине заросшего вековыми соснами сада. Здесь пахло сырой хвоей, яблоками-пада

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.